

— Это моя жена, — пояснил он, направляясь в дом. — Вижу, вы только что приехали, ничего нет. Возьмите пока циновки, постелите, а то ночью не уснёте.

Женщина оказалась очень душевной:

— Вы, южане, не знаете наших порядков. У нас тут в полдень жарко, а к ночи без горячего кана не обойтись — замёрзнете. А вы ещё с ребёнком, небось, нелегко вам пришлось. Мы вам поможем обустроиться. Бедные вы мои, только с дороги, ничего не знаете, когда ж сами-то управитесь?

Войдя в комнату и увидев Ду Чжунпина с ребёнком на руках, она воскликнула:

— Это, знать, и есть наш маленький сюцай Ду? Ну и ну, говорят же, южане ладные да пригожие растут! И впрямь, какой славный мальчонка!

Не прекращая болтать, она ловко разложила солому по кану, а староста сверху расстелил циновку.

Ду Чжунпин поспешил их поблагодарить и спросил, где можно купить мебель да утварь. Староста предложил:

— Давайте я вас провожу. В деревне всё рядом, только вывесок нет, вы, новенькие, не найдёте.

Потом обратился к самому Ду Чжунпину:

— А ты с ребёнком оставайся, дома приберись. Я твоего человека сведу.

Ду Чжунпин смутился:

— Как-то неудобно, пожалуй...

Но женщина перебила его:

— Ишь, какой щепетильный, совсем ещё мальчик! Ничего страшного, у нас тут не как у вас, на юге, — церемоний меньше. Да и дети-то мои, гляди, постарше тебя будут.

Ду Чжунпин покраснел, достал из рукава деньги и передал Ду Аню, чтобы тот шёл со старостой. Тем временем хозяйка откуда-то вытащила тряпку и принялась вытирать циновку:

— У нас пыльно, надо почаще обметать.

Цзинь-эр, который сперва робел перед незнакомцами, теперь немного освоился и норовил забраться на кан. Ду Чжунпин поставил его на пол и завёл разговор:

— У вас тут, я гляжу, куда лучше, чем в иных местах. Все дома кирпичные, под черепицей, да дворы какие просторные.

— А ты думал, везде так? — фыркнула женщина. — Не будь ты грамотным да молоденьким, тебя бы сюда не определили. У нас деревня — все солдаты отставные, сами для себя обживались, сами кирпич жгли, дома ставили. Во всём Цзиньяне другого такого места не сыщешь. Всего-то тут чужаков человек десять наберётся.

Закончив с циновкой, она выпрямилась и добавила:

— Муж мой по фамилии Ван, зови меня просто невестка Ван. На службе он людьми командовал, а теперь к земле вернулся. Мужики его уважают, вот и выбрали старостой. В деревне нашей народ всё грубый, солдатский, вот мы и сговорились: надо бы грамотного к нам поселить. Хоть письма домой писать, а то ведь далеко бегать, кого упротить. В последние годы кое-кто женился, гляди, через год-другой ребяташки пойдут. Тогда и придётся к тебе, в учителя. А то вырастут неучами, как мы, — обманут их, а они и не поймут.

Тут до Ду Чжунпина наконец дошло, почему их сюда направили. Он поспешно ответил:

— Мы люди новые, не обойтись без вашей помощи. Если деревне что от нас потребуется, мы, конечно, не откажемся.

Невестка Ван рассмеялась:

— Вижу, парень ты понятливый. Живите спокойно. Народ у нас хоть и суровый с виду, а душа широкая. Коли тяжёлую работу делать надо — только скажи.

Потом она объяснила, где брать воду, как двор держать в порядке, и пообещала:

— Как обживётесь, так я вам семян да зерна, что положено, принесу. Не бойся, ничего не утаю.

Вскоре вернулись Ду Ань со старостой, нагруженные покупками. Невестка Ван с мужем ушли, оставив новосёлов обустроиваться.

Ду Чжунпин и Ду Ань засучили рукава и принялись за работу, а заодно юноша пересказал молочному брату разговор с невесткой.

Ду Ань заметил:

— Выходит, благодаря твоей степени сючай нам такое хорошее место досталось. Пока покупали, слышал я: в глухих местах, говорят, дома-то глинобитные, а где и вовсе землянки роют, велят самим к зиме избы ставить. И зимы-то, сказывают, лютые, до смерти замёрзнуть можно.

Ду Чжунпин усмехнулся:

— Наверное, и молодость наша сыграла роль. Я ведь слышал, солдаты учёных за людей нежных считают, кисляями обзывают.

И точно: едва они закончили уборку и присели передохнуть, как несколько человек внесли во двор мешки и сложили их в средней комнате, пояснив, в каком семена, а в каком мука.

Один из них, улыбаясь, сказал:

— Невестка Ван сказывала, парень ты хороший. Ну, теперь не стесняйся. Мы к западу от тебя живём, коли что — крикни. А теперь отдыхай.

С этими словами они ушли.

Следующие несколько дней семья Ду понемногу обзаводилась утварью, столами, скамьями и заодно знакомилась с деревенским укладом.

Оказалось, деревня называлась Цинню, и жило в ней человек двести-триста отставных солдат.

Видно, строили её военные — улицы ровные, строго по линейке, аккуратнее некуда. В деревне было несколько колодцев, а на юго-востоке, у самой околицы, протекала река, так что воды, даже несмотря на север, хватало.

В самом центре деревни расстилалась просторная площадь с несколькими старыми деревьями — летом, как говорили, там собирались отдохнуть в тенике. Рассказал об этом тот самый человек, что приносил им мешки, — Чжао Бацзинь. Звали его так потому, что при рождении он весил восемь цзиней. Чжао Бацзинь выговаривать было долго, вот все и звали его попросту — Чжао Ба. Жил он к западу от дома Ду и считался соседом.

Вместе с Чжао Ба жил его названный брат, Фан Шэн. В эти дни он часто заходил помочь, и семьи быстро подружились. Со временем выяснилось, что Чжао Ба, хоть и видный, дородный мужчина, был ужасный болтун и знал все окрестные новости. А вот Фан Шэн, который немного поучился у странствующего лекаря, держался скромно и говорил мало.

Женатых в деревне было немного, всего несколько десятков семей. Остальные жили кто в одиночку, а кто, как Чжао Ба, с товарищем. Как объясняла невестка Ван, деревня всего два года как устроилась, но, поживут — остепенятся, с такими-то угодами женихов невпроворот будет.

Ду Чжунпин заметил, что невестка Ван пользовалась в деревне большим уважением. Родом она была здешняя, и многим девушкам сватала женихов, потому холостяки наперебой старались ей угодить — каждый надеялся, что она и ему невесту присмотрит.

Когда в доме более-менее навели порядок, Ду Ань взялся за двор и задумал выкопать погреб. Чжао Ба тут же вызвался помочь.

Фан Шэн же остался в доме с Ду Чжунпином — присматривали за Цзинь-эром да книжку лечебную изучали. Фан Шэн знал лишь основы лечения ран да несколько целебных трав, и Ду Чжунпин предложил ему свою медицинскую книгу. Однако тот признался, что грамоты не знает. Раньше хотел лекарем стать, да из-за неумения читать не вышло — только кое-что на память запомнил. Ду Чжунпин, отчасти из желания поучить, отчасти чтобы дружбу закрепить, предложил заниматься с ним, договорились, что Фан Шэн будет заходить в свободное время — по несколько иероглифов выучит.

А книжку они изучали потому, что Фан Шэн сказал: после уборки урожая деревня обычно снаряжает людей в горы, и он хочет запастись целебными травами — что-то себе оставит, а излишки продаст в городской аптеке, деньгами обернёт. Ду Чжунпин тоже загорелся идеей — сходить, трав пособирать, в хозяйстве пригодится. Вот они в последние дни и штудировали книгу, стараясь побольше растений запомнить перед походом.

Вечером Ду Ань с Ду Чжунпином стали держать совет. Погреб готов, до холодов нужно всё упредить. Со слов Чжао Ба и других выходило, что дней через десять-пятнадцать начнётся жатва, а после неё — пора в горы, за дикоросами. Продадут в Цзиньяне — будут деньги на семена, провизию на зиму, овощи, ватную одежду, дрова да уголь. После десятого месяца, гляди, снег пойдёт, а оттепель только в третьем месяце будущего года наступит. Промеж тем и холодно будет, и дороги скользкие, не наездишься.

Ду Чжунпин сказал:

— Завтра схожу к старосте, узнаю, какой нам надел выделили, семена куплю. Земли у нас в этом году нет, зерна, кажись, хватит, так что овощей в деревне докупим. Я с братом Шэном сговорился в горы за травами сходить. Здесь не то что на юге, зимой к лекарю не скоро

доберёшься. У нас ребёнок, надо быть готовым. А что лишнее соберём — в городе сбыдим, чтобы Новый год встретить сытно.

<http://bllate.org/book/16286/1467413>